

Утром, только-только стало светать, выбежала в трескучий мороз, в налипший повсюду иней, махрами свисающий с веток деревьев. Машины, в ряд выстроенные, все у инея в плену, одна на одну стали похожи, словно солдаты, пока не приглядишься, свою не узнаешь. И стекла ото льда-инея отскребла, и несколько раз вокруг машины пробежалась, дверцами похлопала, на педали понажимала, ключом туда-сюда повертела, но машина так и не завелась. Как на грех, из толковых мужиков никто не вышел, чтобы помочь. Воскресенье, отсыпаются люди. А ей в город позарез нужно, в столицу. Марине только и осталось, что в сердцах по колесу

опасаюсь. Неделя прошла. Петя с работы как-то пришел и уже к ней: мам, ты что-то давно яичницу мне не готовила... А она ему: «С чего-то, сынок? Куры плохо стали нестись, а что снесут, так вот она поела». И на меня кивает. Я даже оглянулась, на кого это она... Петя рассмеялся, мол, шутка, мама, у тебя какая... И я также решила, что шутит совсем не смешно. Но с того дня, как только вспомним на завтрак яичко сварить или в оладушки добавить, так она все одно — откуль взять, жена твоя съела, тебе и одного не оставила...

Едва сдерживаясь, чтобы не прервать эту не к месту говорливую чудачку, Марина оглянулась — есть ли еще куда пересесть, но поняла, что упустила удобный случай, и смирилась.

— Мы с Петей, — всё тем же ровным голосом продолжала та, — чтобы ссоры не было, и не заикались про яичницу. А через некоторое время послала меня свекровь на поветь за чем-то.

Попутчица Марины и вовсе развернулась к ней, как могла в своей шубе, всем туловом, не отрывая своих рук от корзины с яйцами, пояснила:

— Это в сарае под крышей дощатый настил такой, сено туда на зиму поднимают, набивают его под самую крышу, зимой очень удобно скотину кормить. Берешь его оттуда без хлопот, сухое-ароматное, летом пахнет. По песенке туда нужно было забираться...

Пояснив, села так прямо, не откидываясь на спинку кресла, что Марина, глядя на неё, даже внутренне хохотнула, поза жен-

её попутчица с корзинкой, хотя еще полностью не избавилась от некоторого недоуменного снисхождения к происходящему.

Старик, видно, был деликатен, чуток повисев над Мариной, отодвинулся вглубь салона.

— А военную операцию когда объявили, — грустно и нежно продолжала женщина, — не скажу, что страх меня обуял, но разном насторожило. Хотя мне все ясно и понятно было с тех самых пор, как только заскакали на площадях и «москаляку на гиляку» потребовали. Уже тогда знала, что добром это никак не может закончиться. А вот как все обернется — это вопрос вопросов? По всему видно, что нынче только сорок первый год, а когда еще сорок пятый, победный, настанет, Бог весть... Америка эта... Клейма некуда ставить... И что хотите про меня думайте, а сочувствия к Европе у меня ни грамма нет. Она, зараза, без нас и задницу, простите меня, толком подтереть не может, а уничтожить нас из века в век мечтает. А Ирка моя поначалу все политика-мировотворца из себя строила-изображала. Мол, зачем? Да они бы сами не посмели... Пока упыря по телевизору не увидела, который матери солдата нашего, им же замученного, звонил по телефону. Ой, и вспомнил даже про такое страшно... Мать на звонок кинулась, Илюшенька, как ты, сыночек? А упырь ей — нет твоего Илюшеньки... Да чтобы земля у него под ногами разверзлась... Вот Ирочка моя и замолчала. Сидят, бывало, с Антоном вечерами, новости смотрят, тихонько друг с другом переговариваются. А потом Антоша

руки и худой, углы одни, а иной. Не чужой, нет. Иной. Говорит коротко, все больше молчит. Постепенно узнали, как в плен его взяли. Танк разбили, команда сразу поволокли, тот контужен был, а Антоша смог в лесополосу отбежать, отстреливался еще под пулями, потом уже скрутили. Повезло, что не расстреляли на месте, как некоторых... В горячке он даже не сразу понял, что ранен... Мы два месяца ничего о нем не знали — жив ли, мертв? В каком-то вакууме были, ничего не сообщали. А Ирочка моя лучше нас всех себя повела, в группу поддержки пошла, все свободное время там пропадала, помочь старалась. В группах этих не только такие, у кого муж воюет или сын, там всякие люди, у которых сердце болит...

Марина пробормотала что-то не совсем членораздельное, тоном стараясь показывать сидевшей рядом с ней женщине, что тронула её историей, но не найдя нужных слов, смутилась. А та, ничего не замечая, бережно, словно ребенка, чуток подвинув на коленях свою корзинку, вновь принялась:

— А когда на месте боя нашли несколько обгоревших тел, то маму Антона возили сдавать тест ДНК. Я с ней поехала. Муж её, сват мой, инфаркт пережил, но рвался тоже, еле отговорили... Едем, я как барабан пустой — стукнешь, гудит, а не стукнешь — молчком сижу, глазами хлопаю. А сватья и вовсе окамелела. Когда за Воронежскую область выехали — поля, лесочки, деревни-села в садах, ухоженные, аккуратные... А по дорогам военные машины идут. Да все больше и больше их. Колонны. И вертолеты. Боевые, тяжелые, тулова длинные. И ты — только час назад был в мирной, обычной жизни, да в войну... Это словно дубиной по голове.

Марина, слушая соседку, видела, как за окном автобуса сменяют друг друга картинно убранные кружевом инея деревья, уютные дома, кое-где еще с горевшим в окнах светом. Ей, живущей в квартире, всегда хотелось, глядя на них, узнать, кто там живет?

показалось Марине, странно безмятежны и беззаботны. Даже отчего-то веселы. Заняв собою весь проход, с нагловатой цепкостью оглядывали салон в поисках свободных мест, задерживая взгляд на двоих смешливых подружках, сидевших наискосок от Марины.

— О-о-о! Мои хорошие... — глядя на них, с особой теплотой в голосе, протянула женщина. — Молодые, красивые... Дай-то им Бог!

И безо всякого перерыва:

— Два дня назад Ирочка звонит — мам, какую яичницу папа любил? Такую вот, говорю. А что это ты о ней вспомнила? Да я своим, отвечает, — а своими если назвала, значит и свекровь со свекром рядом, — я своим, говорит, о тебе рассказывала, как ты чашку с яйцами с сеновала спихнула, и про папу вспомнила, как он яичницу твою обожал. Антоша хочу такую приготовить... А вчера звонит, поел Антоша яичницы и похвалил даже.

И отвернулась к окну, словно задумалась или устала от того, что много, без перерыва говорила. Но обернулась к Марине, приподняла корзинку, которую всю дорогу двумя руками обнимала, и виновато даже как-то закончила:

— Так вот, я на радостях к знакомой по даче ездила, она курочек держит, яиц домашних у неё взяла, что если Антоша снова яичницу попросит... Кушать начнет...

И, посмотрев в окно, заволновалась:

— Это какая остановка была? А?

И почти вскрикнула:

— Так моя же следующая...

Засуетилась, засобиравлась и, не дожидаясь полной остановки автобуса, встала с места, подтолкнув при этом Марину. И уже в проходе, опасливо-бережно держа впереди себя корзинку с яйцами, оглянувшись, выдохнула сороговоркой:

— Счастья вам в жизни вашей! И мира!..

Марина видела, как её попутчица пошла по тротуару, по воскресному, пустоватому, в противоположную ходу автобуса сторону, и торопливо пересела к окну, чтобы по-

пнуть да к автобусу маршрутному побежать. Как раз до метро идет. В последний момент успела заскочить в него, за проезд уже на ходу расплачивалась. Не выбирая, где по-лучше-поудобней, на первое свободное место плюхнулась, как раз автобус на повороте качнуло. Женщина, что возле окна пристроилась, только и успела корзинку, полную яиц, подхватить и к себе на колени поставить.

Марина улыбнулась ей дежурно, мол, извините, не ожидая, да и не желая, ничего от неё в ответ. Наушники принялась в сумке искать, но вспомнив, что для них у неё в машине постоянная прописка, еще раз одарила улыбкой странно ласково глядевшую на неё попутчицу и с тоской подумала, что целых два часа жизни вынуждена теперь потерять в этом автобусе, но вдруг услышала:

— Знаете, я всегда думала, и чего бы моей дочке было жаловаться на свекровь? Иной раз аж перекосятся вся, губы набок скривит и пальцами такие движения по горлу. Мол, так достала, что всё равно, что зарезала или еще режет.

Марина не поняла сразу — о чем это, к чему? Да и ей ли это говорится? Но женщина с корзинкой смотрела именно на неё, и ласковость её лица, которую успела заметить Марина, теперь внутренне напрягла — всё ли нормально с тётенькой?

— Говорю дочке своей, а ты-то что сама сделала такого, чтобы Юлия Николаевна тебя обожала? Ничего. Вся заслуга твоя, что сын её вдрызг в тебя влюбился, замуж взял. Но это не значит, что и его родители должны тебя любить и обожать. Мне, матери родной, порой и то непросто с тобой, иной раз тебе хоть кол на голове теши, ни на что не реагируешь...

Марина откинулась на спинку кресла и смотрела теперь на свою попутчицу чуть сзади и сбоку, испытывая за неё даже некоторую неловкость. Поговорить, что ли, не с кем женщине, если первому встречному так распахивается? А та, легко перекрестилась на купола церкви, картинкой возвышающемся над клубами заиндевелых деревьев, и, не меняя тона, вновь повернулась к Марине, сидевшей с таким недоумением на лице, которого невозможно было не заметить. Но ничуть не смутившись этим, продолжила:

— Бывало, скажу ей, уже взрослой дылде: убери, Антон скоро придет, а у тебя в комнате бедлам. А она мне — у него еще и похлеще бывает... Да какая разница, какой бедлам у него бывает! Он выбирает, не ты. Он тебя в ресторан возит, жареных на углях карасиков отведать. Да пойми ты, говорю, поехать туда с ним жареной рыбки откушать есть отряд девиц и получше тебя, выйди только на улицу — найдется. А она в ответ, типа: ну, если он не любит меня такой, какая есть, то и пошел он... Ух, я чуть не задохнулась. Да, сокровище ты мое лучезарное, да это как любить-то себя надо, чтобы так сказануть?! Это какой ленивцей я тебя вырастила, чтобы перед приходом парня своего не посуетиться, лишний раз тряпкой не повести... А тот и правда разбаловал её так, что иной раз так подопрет меня мою доча, так раздражит, что пару раз себя за язык хватала, чтобы Антону не сказать — да когда ты уже заберешь её? Забрал все же. А там началось — свекровь ей жизнь портит, жить мешает... А та, поди, я думаю, не выдерживает, замечания делает...

Автобус плавно затормозил на остановке, заранее, еще на ходу, раскрыв переднюю дверь. Малочисленные пока еще пассажиры ринулись к ней, подгоняемые морозом. И слышно было, как отяняно скрипит снег у них под ногами. Да и не скрипит вовсе, визжит. На каждый шаг отзывается.

Женщине, видно, неудобно было держать на коленях корзинку с яйцами, она опустила её на пол, но тут же вновь подняла и двумя руками обвила для надежности, успев взглянуть на Марину, с недоумленным выражением разглядывавшую её. Но, не замечая ни усмешки Марины, ни её безучастного молчания, продолжила:

— От, у меня была свекровь, царствие ей небесное! Как невзлюбила меня, так хоть из дома беги. Я сама с Владимирщины. Время тогда было не тяжелое, но и не шиковали. Зарплату одну свекрови отдавали с Петей, мужем моим, другую копили, мечтали домик свой построить. Свекровь вдовая была, работящая, жизнь прожила суровую, ну, вот и сама посуровела. Это я сейчас её понимаю, а тогда обижалась, но не в пример дочке моей, не в меня она уродилась... Так вот, Петя мой очень яичницу обожал, да не абы какую, а с лучком, помидорками и чтобы перчик тоненько так порезать, потушить. Каждый день мог есть яичницу, ничуть она ему не надоела. Попросят, я ему тотчас готовлю. А тут смотрю — нет яиц в кладовочке в чашке, куда всегда свекровь их складывала. Другой раз — то же самое. Сама не спрощу,

Елена
ПУСТОВОЙТОВА

Автобус

Рассказ

щины напомнила ей недавние занятия по постановке голоса, точнее, фразу, которую в начале урока всякий раз выговаривал топ-менеджер: «Займите сидячее положение, но спину держите ровно, слегка приподнимите голову, глубоко вдохните через нос...».

Женщина и впрямь глубоко вдохнула, но не через нос, а всей грудью, и не задумываясь о том, что про неё подумают, продолжила:

— Послала, я и полезла. Ищу то, что она мне наказала взять, смотрю — корзина большая, старая, без ручки уже, вверх дном перевернута. Подняла её, а под ней чашка, размером с тазик, полнёхонькая яиц стоит. Горкой уже возвышаются, белыми боками сияют. Я так и замерла, глядя на них. А тут свекровь, живенько так, скоренько, в сарай вбежала, видно спохватилась, что чашку эту найти могу, и кричит мне: «Слазь оттуда, чего ты так долго там копаешься?». А у меня от обиды словно звон в ушах, и щеки онемели. На край сеновала стала, говорю ей, так это что, мам, — я её мамой звала, как и положено было, — так это я эти яйца съела? А она старушка сухонькая такая была, ершистая, несмотря на такой неопровержимый факт, всё равно на своём. Отвечает горделиво так, заносчиво даже: «Ты!».

Тут Петя подошел, стоит рядом с матерью, удивляется чашке с яйцами, которую я к краю сеновала осторожно подвинула, чтобы ни одно не скатилось, случайно не упало. Ну, — говорю, — если я это съела... И лихо так шарах ногой по чашке. Знаете, вроде как права была...

Марина не просто была удивлена своей попутчицей, к которой плюхнулась совершенно случайно, была шокирована таким её откровением. Исподтишка оглядела её — серого меха шуба, выдававшая прошлое материальное благополучие, шапочка с валиком по краю и с блямбочкой на боку, изображавшей цветок. Еще не старая, лицом приятная.

А та продолжала, не смущаясь снисходительного удивления на лице Марины:

— А Ирине моей, видите ли, свекровь замечание сделала, а она губы давай кривить, руками жесты выделывать. К себе в дом не пускает, и сама к ним не ходит. А Антон между ними туда-сюда бегает. И ни к какому краю дочу мою не подтащит, носом не ткнуть, чтобы образумилась. Да она еще в школе когда училась, строптивая была. Порой выговаривала мне, что не защищаю её от учителей. Мол, учительница меня не любит, вот и ставит мне тройки, а другим бы за такой ответ пятерку поставила, а ты не сходишь в школу, меня не защитишь. Другие родители ходят, ругаются... А я ей — дорогая моя, даже если ты на сто процентов права, и учительница тебе специально занижает оценки, учи и отвечай так, чтобы она при всей своей нелюбви к тебе не могла тройки ставить. А я не буду ни себя позорить, ни учителя унижать... Не сразу, но поддействовало. Четверки пошли и пятерки начали появляться. Зарабатывать стала их. А как иначе, учeba, это тоже работа. Работа у тебя такая, учись, а не интриги разводи. В институте баллы положенные легко набрала и как-то меня обняла, спасибо, мамулечка, это из-за тебя я нормально училась. Дождалась мать похвалы от дочери... И со свекровью своей тоже ко мне с претензиями подступала, я ей опять — не видела, не знаю. А если бы видела, может быть еще и не такое тебе сказала. Ну, она, конечно, губы надувала, набок их кривила. А тут случай как-то такой удачный подвернулся. Сидим мы с ней в парке, и женщина, примерно моего возраста, с девичьим лет пяти идет. Явно бабушка с внучкой. И бабуля эта громко так выговаривает внученьке своей: «Нельзя говорить слово ж...па! Это что тебя научил ж...па говорить? Это баба Валя тебя научила ж...па говорить? Нужно говорить пола, а не ж...па! Так и скажи своей бабе Вале, не ж...па, а попа!».

Мимо нас они прошли, а мы сидим, от смеха удержаться не можем из-за того, как эта бабуля внучку свою правильными словами учит. Видела, спрашиваю её, неужели такого и в своей семье хочешь? Не ответила, но, видно, задумалась. И потихоньку стало всё выравниваться. Ни разу больше не показала мне жестом, что свекровью по горло сыта, и губы не кривила.

В автобус вошел человек с таким красным от мороза лицом, что невозможно было этого не заметить. И нос у него был выдающийся, на морозе заалевший — округлый, бульбый, и еще седая борода полатой. Остановился в проходе рядом с Мариной, ухватившись за поручень, тяжело навис над ней. Марина чувствовала, что надо бы встать, уступить ему место, но медлила, с удивлением поняв, что её внутренняя насмешка истаяла, приобрела вид совершенно иной — желание узнать, что же дальше будет рассказывать эта

в добровольцы направился. Дочь в слезы, а Юлия Николаевна, такая выдержанная дама, ни слезинки, решай сынок, взрослый уже... А тот — давно все решил, какой может быть разговор, ко дедов наших спрашивал — решай, пойдешь Родину защищать или в нору спрячешься... Да все смешком. Я им даже загордилась. Мужик!

Внуков бы только дожидаться...

Марина увидела, как на этих словах лицо её собеседницы поникло, осунулось, и глаза, до того порой не к месту улыбчиво-радостные, разом погустнели, потеряли живость. Да и сама попутчица словно устала, глядя прямо перед собой, явно видя много дальше, блестевшей на солнце льдом, мелькавших за окном автобуса домов с крышами под снежной шапкой, да и всего пространства вокруг, одетого во все белое пронесшей метелью. Но вострепенулась, вновь развернулась к Марине, у которой вдруг жалостливо дрогнуло сердце, заставив склониться ближе к рассказчице, чтобы лучше слышать.

— Антон ушел, а мы сидим, вестей ждем, новости смотрим. А что такое наша жизнь? У всякого свой ответ. А я о смерти беспрепятственно думать стала и даже примирилась без душевных судорог с тем, что и мой черед сегодня-завтра настанет. А то все гнала-отворачивалась от мысли про обязанность нашу человеческую — умереть. И что война — это неизбежное зло. Это неистребимое. Великая такая перезагрузка, от греха человеческого рожденная... Все в жизни нашей ходит по кругу, а дальше жизни и смерти ничего не идёт... Когда известие получили, что в госпитале Антон, всё плакали, поверите ли, от счастья. Что жи! Что не в плену! Подумай, без руки, протезы, вон уже какие замечательные, научились делать. Важно только одно — жив!

Марина, дождавшись паузы в монологе и улынувшись то ли для того, чтобы приободрить рассказчицу, то ли скрыть своё волнение от услышанного, спросила:

— А Ира ваша как? Как она?

— Да дочь моя тут же к нему поехала, увидеть его, ухаживать за ним. А я уже дома его увидела. Иной он стал. Не в смысле, что без

А в иные, особенно такие — каменный низ, деревянный верх, так и попросилась бы в гости. Особенно теперь, когда на крышах шапки, принесший с собой морозец с улицы, не взглянув на неё, плюхнулся рядом, покачивая головой в такт мелодии, которая вливалась в него через наушники.

И ужаснулась этой мысли. Не подумала ещё до конца. Оборвала себя.

— Но теперь все, слава Господу нашему, позади! Антон дома, — женщина выговорила это с некоторой торжественностью. И лицо её приняло какое-то мягкое, умиротворенное выражение. — А знаете ли вы, что такое ПТСР? Я тоже не знала. Это посттравматическое стрессовое расстройство. Чтобы оно появилось, должна быть угроза жизни... Человек с ПТСР по-другому на все реагирует, на самые обычные обстоятельства. И в этом трудность. Человек может тяготиться близкими, у него бессонница, а если уснет — кричит во сне. Но и это еще ничего. Сложнее, когда он подозрителен и даже агрессивен бывает. И если пьет. Ведь когда выпьет, он немного расслабляется, легче засыпает, настроение у него улучшается. А еще бывают вспышки в голове. Они смешно называются — флешбек. Это когда в мозгу у человека вдруг видение окровавленных тел, взрывы и много чего такого, от чего он мог бы погибнуть. И тогда он вообще выпадает из жизни или зависает, или кричит... Как раньше говорили — кто в огне побывал, тот чувствителен к жизни. Кожа на нем тонкая, нежная, жизнь прежняя разбита, что та моя яичница, какую я у ног свекрови своей учудила.

У нашего Антоши не так, легче. Крепкий малый! Но все же спит мало и не ест почти. И знаете, что он сказал, когда я его о смерти спросила — мол, думал ли он о ней, боялся? Ну, не так в лоб, как вам теперь говорю, иными словами и к месту. А он улынулся тихо как-то, робко даже, явно чтобы не обидеть меня своим ответом, и также тихо сказал: «Это здесь, в тылу умирают. А на войне смерти нет. Там погибает. Если вы о страхе, то да, боялся — но не убежал». Я чуть не расплакалась. Сiju, улыбаясь, слезы глотаю. Сама бы так не подумалась и в слова бы так не облекла, как он это сделал.

Автобус остановился и в него втиснулась компания парней. Они были молоды и, как

дольше проводить её взглядом. Только что вошедший парень с выбритыми висками и невысоким ирокезом цвета спелой пшеницы, принесший с собой морозец с улицы, не взглянув на неё, плюхнулся рядом, покачивая головой в такт мелодии, которая вливалась в него через наушники.

Автобус резко тронулся с места, и даже немного поскользил колесами, словно ползьями, по дороге, навстречу розовой от утреннего солнца, сказочно красивой улице, со старинными домами в резных наличниках. А Марина вдруг почувствовала такую усталость, словно длинный путь прошла, так неожиданно ахнула по ней услышанное. Слово то тот военный вертолет пролетел именно над ней, над её жизнью низко-низко. Над жизнью — мирной, налаженной, удачливой. Где нет ни взрывов, ни стрельбы. И сама себе удивилась — как почувлилась, что жизнь её страны не стала частью её жизни? Как было это у её деда, поднимавшего цепину. Отца, служившего в Сирии. Или как у Ирины, до этого утра совершенно ей не известной... Она так бесконечно долго не знала этого, именно этого состояния. И открытие это было в ней так сильно, что она развернулась к парню с ирокезом с таким ярким изумлением, чтобы сказать ему об этом своем открытии, но... все же не решилась.

Автобус остановился напротив голубой церкви, сиявшей куполами в ясной безоблачной синеве неба. Торопливо поднялась, трону соседа за плечо, чтобы пропустил, вышла, полнее запахнув свой стеганый дутый пуховик, огляделась. Купола храма словно плыли в морозном воздухе, соединяя всех глядевших на них с чем-то светлым, чистым. Вечным!

Немного постояла, глядя на них, неумело перекрестилась.

И вошла, задержавшись у входа, опасаясь нарушить своим чередом идущую в храме службу. Робая, так ли все делает, как надо, поставила три свечки за тех, кто там, далеко, моля о сохранении их жизней глядевшие на неё святые лики.

И за победу.

Спокойно, даже больше — тихо-радостно было на душе.